

мотивировку названия («темная»), у Страбона: ἐν δέ τῷ Ἀντιταύρῳ τούτῳ θεθεῖαι καὶ στενοί εἰδιν ἀυλῶνες, ἐν οἷς ἰδρυται τὰ Κόμαγα κτλ. (XII, 535 C). См.: Neumann G. Op. cit., 32. — О Милетене и под. см. Neumann G. Beiträge zum Lykischen (Die lykische Quelle Melite). — Die Sprache 7, 1961, 73—76 (лув. *maliddu-* и под.). Ср. также женское Nom. propr. *Mallidunna* (KUB XXX 51 I 15); о нем см.: Laroche E. Les noms des Hittites, 330.

³³ Ср. аттич. μέλισσα при μέλισσα: 'пчела' (ἐθνεα μέλισσάων ἀγνάκων, о густых роях пчел, у Гомера), а также эпитет Персефоны Мелитайды.

³⁴ Не ясно, как интерпретировать имя каппад. *Kimarnala* (при хетт. Adj. *kim-marnala-* [KUB XXXVI 49 IV 2], с неизвестным значением). См.: Laroche E. Les noms des Hittites, 341. Заслуживает внимания имя нимфи, дочери Океана, Камирины (Pind. Olymp, IV, V) и соответствующего города в Сицилии (**Kam-ar-*).

³⁵ В самое последнее время предложено иное объяснение для *Cotana Carradociae* (ср. хурр. *Kuma/inni*, урарт. *Qumene*, лув. *kumtiya-*, лик. *kuma* — 'священный'). См.: Иванов В. В. К этимологии некоторых миграционных культурных терминов. — В кн.: Этимология 1982. М., 1983, с. 158—159.

Вяч. Вс. Иванов

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

1. Лит. *lóreta* 'лопата' : рус. *лопата* : хет. *lappa*

Лит. *lóreta* 'лопата, лопатка, заступ; лемех'¹ нередко используется в контекстах, связанных с похоронным обрядом и смертью, как и родственное рус. *лопата* и другие славянские слова того же корня в фольклорной традиции. Поэтому представляется обоснованным сравнение с хеттским обозначением ранее точно не отождествленного предмета (вслед за Зоммером предлагался перевод 'щипцы, ложка'²), на который (и с помощью которого) кладут кости умершего царя в архаическом ритуальном обряде, сохранившем многие лексические сочетания индоевропейской древности³: nu һa-aš-ta-i IS-TU la-ap-ra KUBABBAR da-aš-kán-zi 'и кости они берут на серебряную лопату' (директивы), KUB XXX 15+KUB XXIX 19 Vs. 4. Наряду с древнехеттской формой директива (направительного падежа на -a < и.-е. *-ō из ступени растяжения тематического гласного) в среднехеттских и архаических новохеттских текстах засвидетельствована форма твор. п. *la-a-ap-pí-it* (1961/c obv. 6⁴), функцию которой в цитированном тексте, быть может, отчасти выполняет (непроизносившийся, т. е. игравший роль чисто графического уточнения при древней падежной форме, возможно, уже с трудом воспринимавшейся) акадский предлог *IS.TU* 'с, посредством' (очевидно, директив в древнехеттском мог передавать и это графическое локальное значение наряду с собственно направительным). Контекст *la-a-ap-pí-it da-a-aš* 'лопатой взял' (1961/c obv. 6) совпадает по лексическому составу с цитированной формой из древнехеттского царского обряда (дошедшего в более поздней копии среднехеттского или возможно новохеттского времени), отличаясь только видо-временными морфологиче-

скими характеристиками (*dáš* ‘взял’: *dášk-anzi* ‘они берут’ при возможности древней генетической связи между сигматической формой пр. вр. на -š и итеративным суффиксом *-šk-* < и.-е. *-sk’-). Давно предложенная связь пережитков обрядовой роли лопаты в восточнославянских фольклорных текстах с ритуалом инициации юноши⁵ находит подтверждение в новохеттском тексте предсказания новорожденному, где говорится (KUB VIII 35 obv. 4—5): TUR-aš ŠD!-az x-x-an-ta-za IZI-za la-ap-pa-za i-ya-at-ta-ri ‘ребенок пройдет через реку..., огонь и (испытание) лопатой’. Парадигма существительного, судя по цитированным написаниям, была баритонированной: *lápa[š]* (предполагаемое восстановление *la-ap-pa-a[š]*, им. п. ед. ч. или род. п. ед. ч., KUB XVI 42 obv. 20, текст новохеттского периода), *lápa* (директив), твор. п. ед. ч. *láppit*, отл. п. ед. ч. *láppaza*.

Семантическое сходство хеттских, славянских и балтийских текстов делает этимологию несомненной. Представляется, что общепринятое членение форм типа лит. *lōp-eta*, рус. *lop-ata* (при параллельных формах без суф. *-e/ōt- типа лит. *lāpa*, лтш. *lāpa*) может представить интерес и для выяснения предыстории форм типа хет. твор. п. ед. ч. *lappit*, где можно было бы видеть древний нулевой падеж⁶ (в локативной функции) от основы типа **lop-et-*, представленной в балтийском и славянском. Анатолийское соответствие исключает предполагавшуюся ранее принадлежность слова к общему балто-славяно-германскому слою лексики⁷ и заставляет возводить его к общеиндоевропейскому.

2. К проблеме производных от основ ‘связывать, шить’

Индоевропейский глагол со значением ‘связывать’ восстанавливается в виде **seH₂-ye/o-* > лит. *siēja*, **sH₂-ye/o-* > хет. *išhiya-*,ср. др.-инд. *sināti* ‘привязывает’⁸. Архаичное производное от этой основы с суффиксом медиопассивного причастия *-me/ono- представлено в хет. *išhi-mana-* ‘веревка, ремень’⁹ и в прус. *schumeno* ‘толстая смолянистая нить’ (в Эльбингском словаре ‘Drot’¹⁰), которое Эндзелин правильно отождествил с др.-инд. *syūt-man* ‘нить’ и с суффиксом -*tana-* в прус. *poklausī-tana-s* ‘услышанный’¹¹. По-видимому, прусская и древнеиндийская формы восходят к производному с этим суффиксом от основы **sH₂-y-u-*, тогда как в хеттском представлена основа **sH₂-y-* без суф. -*u-* в отличие от другого хеттского производного *išhi-u-l* ‘договор’ : лит. *siūlas* ‘нить, нитка’. Различие между **sH₂-y-ī-tēno-* > прус. *schumeno[šūmenā]*¹², др.-инд. *syātman* и **sH₂-y-mono-* > хет. *išhimana-*, по-видимому, отражает достаточно древнее диалектное различие внутри словоформы, которую потенциально можно было бы признать общеиндоевропейской, ср. отчасти аналогичное различие между лат. *situs* < **syūtōs* и прус. *saytan* ‘сеть’ от тех же двух основ (на -*u-* и без этого суффикса), сосуществовавших при не всегда четком различии значений в ряде индоевропейских диалектов.

3. К индоевропейским названиям ‘бороды’

Выявленное в индоевропеистике диалектное различие между древним индоевропейским названием ‘бороды, подбородка’ и инновацией группы «древнеевропейских» (западноиндоевропейских) диалектов¹³, по-видимому, может получить в настоящее время удовлетворительное семантическое истолкование. Древнее название реконструируется на основе соответствия хет. *zamankur*, др.-инд. *śmaśru*, алб. *tmekrë* (с закономерной утратой начального *s-), др.-арм. *morukh* (*mauruk*) ‘борода’, лит. *smäkras* ‘подбородок’, др.-ирл. *smech* ‘подбородок’ (ср.-ирл. *smeig*), др.-англ. *smäeras* ‘губы’, др.-исл. *smaéra* (*smári*, швед. диал. *smäre*). Вероятна также принадлежность к этой группе слов о.-вост.-кавк. **mōc'orV* (реконструкция С. А. Старостина), о.-даг. **mVč'Vr/*mVž'Vr* ‘борода’, где можно видеть древнее заимствование из диалекта *satəm*-ного типа (но, возможно, уже утратившего *ś- на собственно индоевропейской почве, как в древнеармянском и албанском) или же из формы типа индо-иранской¹⁴ (где в др.-инд. ś- могло бы указывать на особый характер спиранта, в хеттском находящего соответствие в z-, а не š-). На основании хеттской и древнеиндийской форм исходную праформу можно восстановить как **s'mon-k'r-u-* (ср. др.-инд. *śman* < **s'mon* ‘кожа’ + *śr-* ‘украшать’, хотя предлагаемое осмысление в древнеиндийском и может быть результатом народной этимологии). Закономерное развитие **k'* во второй части слова осуществилось только в древнеиндийском; в албанском, как и в литовском, слово преобразовалось фонетически в связи с наличием -r после палатального; в хеттском развитию **k'u* > **šu* помешала ранняя метатеза, переведшая слово в некогда продуктивный тип основ на -ur (в связи с забвением исходной внутренней формы).

И.-е. **s'monk'ru-* использовалось как обозначение ‘бороды’ бога: Индры, трясущего (*dhiū-* ‘трясти’ бороду, ср. др.-исл. *dýja* ‘трясти’ в аналогичном контексте о боге грозы Торе в «Эдде»¹⁵) бородой в «Ригведе», хеттского бога Солнца в гимнах ему, где говорится о его ‘бороде’ (*zamankur*) из лазурита¹⁶ (KUB XXXI 127 I 11 и др.), древнеармянского Ba(x)агна в конце гимна, переданного Моисеем Хоренским, где борода бога описывается как ‘пламенная’ (что напоминает рыжий «медный» цвет бороды Тора). В аналогичных контекстах говорится и о ‘бородатых змеях’, в частности в хеттском заговоре, где их связывают, а потом развязывают: *śamankurwaśuš MUSHU*.A ‘бородатых змей’¹⁷, KUB VII 1 III 1 + КВо III 8 III 1—35. Мифологический контекст может прояснить и причину, по которой древнее название бороды рано начинает заменяться другими.

Древнеевропейское диалектное название бороды, заменившее общеиндоевропейское, уже по его фонологическим особенностям с несомненностью должно оцениваться как сложное слово **bhar-dhā-* (> лат. *barba*, ст.-слав. бѣрда, прус. *bordus*¹⁸, лит. *barzdà*, лтш. *bárda*, др.-исл. *barða*, др.-англ. *barða*, др.-фриз. *berd*, др.-в.-нем. *barta*). Особый интерес представляет образованное от него прилагательное типа лат. *barbātus* ‘бородатый’, ст.-слав. бѣрдатъ, лит. *bar-*

zdōtas, прус. *Bardoayts* как имя бога, интерпретируемое как **bardāts*¹⁹.

По собственно лингвистическим соображениям первый член сложения **bhar-* интерпретируется как древнее индоевропейское название ‘ячменя’ (*Hordeum sativum*)²⁰, заимствованное в древнеевропейские диалекты (лат. *far*, гот. *barizeins*) из семитского (др.-евр. *bar* ‘обмолоченное зерно’, араб. *burr* ‘пшеница’, южно-арав. сокотри *bor*, меҳри *barr* ‘зерно, пшеница’²¹); время заимствования датируется периодом общеиндоевропейского диалектного состояния.

Исходное значение словосложения **bhar-dhā* может быть реконструировано на основании широко засвидетельствованных славянских аграрных обрядов завивания бороды богу (Велесу — Волосу, Илье) или другому мифологическому существу («житному деду»). Суть обряда заключалась в том, что на поле оставляли несжатым небольшой кусочек колосьев, который посвящали богу, объявляя эти колосья его бородкой²². Обряд сохранил суть того же древнего представления, которое отражено и в поверьях, касающихся ‘бороды’ бога, и в новом диалектном древнеевропейском названии бороды.

В архаической мифологии древних пруссов три основных бога, описанных Симоном Грунау, противопоставлялись по признаку ‘безбородый’ («ane bardt»), которым был Потримпс, и ‘бородатый’, который характеризовал Перконса (функционально соответствовавшего другим названным выше индоевропейским грозовым божествам: Индре, Тору, Вахагну, чья борода фигурирует в их описаниях) и Патолса (функционально соответствовавшего славянскому Велесу — Волосу). Это противопоставление позволяет поставить вопрос о том, что новое название ‘бороды’ могло возникнуть в тех индоевропейских диалектах, где распространился обычай бритья бороды, известный у древних литовцев²³, западных славян²⁴, римлян. Не только боги, но и люди могли противопоставляться по признаку ‘бородатый’ — ‘безбородый’ (не только ‘юный’, но и ‘бритый’). Ритуальная же борода (в том числе в обряде и у человека или антропоморфного образа) могла изображаться пучком колосьев, что и отражено во внутренней форме словосложения **bhar-dhā-*.

4. Индоевропейские сложения типа числительное + **pod-* ‘нога’

Многолетние изыскания, касающиеся предыстории загадки Эдипа, дают основание думать, что в ее греко-индо-иранском (т. е. диалектном индоевропейском) прототипе было противоположение **dwi-pod-* ‘двуногого’ и **kʷeturo-pod-* ‘четвероногого’ существа, отразившееся в греч. δίπον — τέτραπον²⁵, связываемом с разными возрастами живого существа. Эта реконструкция исходной языковой структуры загадки Эдипа сближает ее и с давно уже восстановленным индоевропейским противоположением **dwi-pod-* ‘двуногого’ и **kʷeturo-pod-* ‘четвероногого’ как символического различия людей и крупного рогатого скота. Поскольку это последнее проводится с помощью данных числовых сложений в итальянской и древнеиндийской традициях (что и позволяет удостоверить его общеиндоевропейский харак-

тер) ²⁶, представляется особенно важным наличие в тех же традициях точного соответствия рассматриваемому языковому аспекту загадки Эдиша. Речь идет о загадке, которая была богом Фавном загадана римскому царю Нуме в год, когда плодородие в стране исчезло. Божество посоветовало царю умилостивить божество Земли «посредством смерти двух коров, но так, чтобы одна только корова была принесена в жертву, но притом такая, что она отдает две жизни» (P. Ovidius Naso, Fasti, IV, 641—672); разгадку содержит римский ритуал *Fordicidia* (принесение в жертву стельной коровы) и древнеиндийское название приносимой в жертву стельной коровы *astāpadi* ²⁷ < **ok'to-pod-(i)-* ‘восьминогая’. В последнем словосложении противопоставление двух живых существ (не людей, принадлежащих к ‘четвероногим’ — крупному рогатому скоту) по возрасту снимается благодаря включению одного из них во второе. Следовательно, и по своей семантике, и по языковому строению загадка Нумы продолжает загадку Эдиша и позволяет восстановить исходный индоевропейский ряд числовых сложений с вторым элементом **-pod-* : **dwi-pod-*, **kʷeturo-pod-*, **ok'tō-pod-*. Общеиндоеuropeanский характер обряда принесения в жертву стельной коровы, из чрева которой вырывают плод, подтверждается метафорической ссылкой на этот обряд в древнехеттском тексте Завещания хеттского царя Хаттусилиса I.

5. Греческо-арийское название ‘моря’ как ‘соленого’

Открытие в др.-инд. *sal-ila* ‘море’ производного от общенидоевропейского названия ‘соли’ ²⁸ имело существенное значение прежде всего потому, что этим было опровергнуто бытовавшее до тех пор представление об отсутствии у индо-иранцев этого названия (из чего делались неоправданные дальнейшие культурно-исторические выводы). Однако едва ли не больший интерес представляет то, что обозначение ‘моря’ как ‘соленого’ является общим греческо-арийским. В мишенском греческом *a₂-ro=***halos* означает ‘море’, *haro-udori* ‘аквамарин’ (где **halos* **udophi* понимается как сочетание с твор. п. мн. ч. от *ὑδωρ*); собственное имя *a-pē-ha-ro* толкуется как ‘Αὐδρός; *o-pi-ha-ra* сопоставляется с гом. греч. ἐπίαλα ‘стоящий на берегу моря’ (B 538, 589) ²⁹. В послегомеровском греческом слово многократно засвидетельствовано в лирической поэзии, ср. у Сапфо производные со значением ‘соленое’ (море) (55а, 7—8): ἄβραυ ‘Αὐδρομάχαν ἐνι γαῖσιν ἐπ’ ἀλμύρον πόντον ‘ведет Андромаху на корабли на соленой пучине’; (98, 10) θάλασσαν ἐπ’ ἀλμύραν ‘на соленое море’; у Алкея то же сочетание ἀλμύρον... πόντον (51, 2). Кажется несомненным, что в поэтическом языке отражены здесь архаичные черты.

6. Лув. *kišawa-* ‘бояться’: и.-е. **dw-* > арм *erk-*

В лувийско-ликийской группе индоевропейских языков Малой Азии осуществилось развитие **dw-*, **dʰw-* > **kw-*, о чем свидетельствует лик. *kbatru* ‘дочь’ < **dʰugʰ-Hter*; лик. *kbi:* мил. *tbi* ‘два’;

лик. *Ikkwem*: 'Евдоюц' ³⁰). Подобно этому лув. *kišaya-* 'бояться' (иерогл. лув. *hwa-s* с изменением *k* > *h* уже в самом иероглифическом лувийском) соответствует и.-е. **dw-* 'бояться' (вероятно, производному от **dw-* 'два' согласно семантической закономерности, выявленной Бенвенистом ³¹). Данное соответствие существенно потому, что оно проясняет фонетическую предысторию группы **dw-* > *erk-* в родственных древнеармянских словах. Можно думать, что начальный этап развития **dw-* > **kw-* были общей лувийско-протоармянской изоглоссой. Для более поздней истории собственно армянского специфично развитие, при котором **d-* > **r-* (ротацизм, сходный с позднейшим диалектным лувийским иероглифическим), а **-w-* в этой группе фонем выпадает: **dw-* > **kw-* > *(*e*)*rkw-* > **erk-*. Таким образом, армянский перестает быть изолированным языком по этой фонетической черте, вызывавшей сомнения у многих индоевропеистов.

Примечания

- ¹ Значение засвидетельствовано в старолитовском (в библии Бреткунаса), см. LKŽ VII, 648 (там же см. контексты, относящиеся к смерти и похоронам).
- ² Otten H. Hethitische Totenrituale. B., 1958, 66, 67, 142, 145; Hoffner H., Cüterbock H. Hittite Dictionary. Chicago, 1980, vol. III., L—M, 40.
- ³ Ср. в данной связи: Иванов В. В. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981, 149—150, примеч. 5.
- ⁴ Otten H. Op. cit., 142. Толкование Оттеном формы как не собственно хеттской не выдерживает критики и объясняется тем, что в то время функция директивы в древнехеттском не была изучена.
- ⁵ Топоров В. Н. Хеттская SALŠU.GI и славянская баба-яга. — Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР, вып. 38, 1963.
- ⁶ Ср. Neu E. Einige Überlegungen zu den hethitischen Kasusendungen. — In: Hethitisch und Indogermanisch / Hrsg. von E. Neu und W. Meid, Innsbruck, 1979.
- ⁷ Stang Chr. S. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slawischen, Baltischen und Germanischen. Oslo, 1972, 33.
- ⁸ Иванов В. В. Указ. соч., 165, 166, 217.
- ⁹ Там же, 166.
- ¹⁰ Mažiulis V. Prusų kalbos paminklai. Vilnius, 1981, t. II, 35 (строка 507), 310.
- ¹¹ Endzelins J. Darbu izlase. Rīgā, 1979. Т. III, d. 2. Идея Эндзелина осталась незамеченной в последующей литературе, посвященной этому суффиксу в прусском, см.: Hamp E. P. On Baltic, Luwian and Albanian participles in *-m-. — Baltistica, t. 9, 1973, 49; Schmalstieg W. R. An Old Prussian grammar: the phonology and morphology of the three catechisms. University Park and London, 1974, 223, 224, 345.
- ¹² Mažiulis V. Op. cit., 310.
- ¹³ Порцид В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, 302.
- ¹⁴ Иванов В. В. Празыки как объекты описания в издании «Языки мира». — В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980, 201, 202. См. также детальное обсуждение: Markey T. L. IE 'beard' and related matters. The University of Michigan (Pre-print), 1983 (пользуюсь случаем выразить благодарность проф. Марки за присланный им препринт).
- ¹⁵ Schmitt R. Dichtung und Dichtersprache der indogermanischen Zeit. Wiesbaden, 1967, 34, 35; Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, 16.
- ¹⁶ Иванов В. В. К архаическим формулам в хеттских гимнах. — AO 1978, vol. 46, № 1, 69—71.
- ¹⁷ Ср. к интерпретации: Kronasser H. Fünf hethitische Rituale. — Die Sprache, Bd. 7, 1961, 161.

- ¹⁸ Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. М., 1975, т. 1. A—D, 240—242, там же лите-ра.
- ¹⁹ Там же, 1966; Иванов В. В., Топоров В. Н. Бардойтс. — Миры народов мира. М., 1980, т. 1, 162; Они же. К проблеме лтш. *jumis* и балтийского близнечного культа. — В кн.: Балто-славянские исследования 1982. М., 1983, 170.
- ²⁰ Markey T. L. Op. cit.
- ²¹ Fronzaroli P. Studi sul lessico comune semitico. — Academia nazionale dei Lincei, Rendiconti della classe di scienze morale, storiche e filologiche, ser. VIII, vol. XXIV, 7—12, 1969, 29.
- ²² Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, 62—63; Гура А. В., Терновская О. А., Толстая С. М. Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу. — В кн.: Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983, 95—99.
- ²³ Gloger Z. Encyklopedia staropolska ilustrowana. Warszawa, 1978, t. IV, 449. Пользуюсь случаем принести благодарность Т. М. Судник за помощь, оказанную при изучении данного вопроса.
- ²⁴ Там же, 447, 449—453, 81—85.
- ²⁵ Porzig W. Rätsel der Sphinx. — In: Indo-germanische Dichtersprache / Hrsg. von R. Schmitt. Darmstadt, 1968, 172—176; Иванов В. В. Пространственные структуры раннего театра и асимметрия сценического пространства. — В кн.: Театральное пространство. Материалы научной конференции (1978). М., 1978, 15, 30; Хомерики Г. Г. Мудрость фиванской Сфинкс. — Сообщения АН Груз. ССР, 1982, № 3, 649—650.
- ²⁶ Schmitt R. Op. cit. (с указанием предыдущих работ).
- ²⁷ Dumézil G. La religion romaine archaïque. Р., 1966, 365.
- ²⁸ Thieme P. Die Heimat der Gemeinsprache. Mainz, 1954.
- ²⁹ Camera C. Il mare nei documenti micenei. — Kadmos, Bd. XX, Hft. 1, 1981, 26—37.
- ³⁰ Нейман Г. Ликийский язык. — В кн.: Древние языки Малой Азии. М., 1980, 336.
- ³¹ Бенвенист Э. Семантические проблемы реконструкции. — В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Г. А. Клинов

ДОПОЛНЕНИЯ К «ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМУ СЛОВАРИЮ КАРТВЕЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ». II

За десятилетие, истекшее после публикации автором настоящего материала первого списка дополнений к его этимологическому словарю картвельских языков (Клинов) ¹, в области картвельской этимологии продолжалась интенсивная работа. В этот промежуток времени вышли в свет несколько монографий по грузинской исторической лексикологии ², появилось немало статей, содержащих новые этимологии, наконец, накопились дополнительные сближения и в картотеке автора. В результате предпринятых усилий ряд предложенных ранее решений может быть теперь подтверждён в свете новых данных или уточнен, с одной стороны, и, напротив, оставлен, с другой. Заметным стимулом к дальнейшему развертыванию этимологических разысканий в картвелистике явилась публикация древнегрузинского словаря И. В. Абуладзе ³. Высокие в целом темпы прироста лексических сопоставлений свидетельствуют, по-видимому, о том,